

Праздничный вечер

От редакции. В нынешнем ноябре исполняется 90 лет событиям 1917 года, изменившим судьбы стран и народов, наших дедов и отцов. Писатель Аркадий Львов передал в редакцию страницы, написанные в 1967 году, накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Шествие закончилось в два часа. Когда шли колоннами, дорога была строго обозначена заранее — после площади Октябрьской революции обязательно улица Пироговская и конец улицы Свердлова. Оттуда можно было, уже по своему усмотрению, выйти на Среднефонтанскую, проспект Шевченко или Белинского. А теперь, в два часа, прошла последняя колонна — физкультурники — и можно было идти через площадь, привокзальный сквер, по Пушкинской, Ленина и любой другой улице. Колонну физкультурников возглавляли три человека — мужчина и две женщины, с широкими и яркими, как свадебные, рушники, перевязями, на которых раскачивалось множество золотых, серебряных и бронзовых медалей. Люди с медалями, пока они двигались в строю, вызывали восхищение, и странно было, что теперь ничего от их прежней строгости и значительности не осталось: поддерживая обеими руками перевязь с золотом и серебром, они бежали торопливо, опасаясь, видимо, упустить своих товарищей.

Пятитонные грузовые машины и цистерны, которые с восьми утра перекрывали улицы, образуя коридоры для колонн, запустили свои моторы, и воздух, только что по-осеннему, от обильного листопада, терпкий, вмиг пропитался бензином и выхлопными газами. Машины, по первому впечатлению, разъезжались бестолково и мешали друг другу, пугая пешеходов, которые забыли всякую осторожность и по-праздничному беззлобно, весело бранили растяп шоферов. Шоферы, однако, сердились не на шутку, потому что затемно, часов в шесть, сели за баранку и, понятное дело, по этому обстоятельству не могли позволить себе, хотя праздник для всех, никакой вольности. А кроме того, во время долгого шестичасового стояния они должны были еще помогать милиции к дружинникам, следя за тем, чтобы пацаны, да и взрослые, которые успели подзаправиться спозаранку, не скакали через машинный барьер и не пролазили под ним.

На площади военный оркестр собирал своих музыкантов, и те, порядочно усталые, суетились вокруг ослепительного, с четырьмя кистями

в орлиных клювах, медного бунчука, вместо того чтобы четко, по-солдатски, произвести построение.

Пробило полтретьего — короткий удар исполкомовских часов на Приморском бульваре, где полвека назад заседала городская Дума, фарсовый орган, державший в своих руках игрушечные вожжи с игрушечными колокольцами.

Пошли троллейбусы и трамваи. Они двигались гуськом, один за другим, нетерпеливо названивая, потому что график опять получил силу, и надо было поторапливаться, чтобы восстановить привычный ритм.

Часам к пяти после недолгого отдыха началось праздничное веселье. Хотя было еще достаточно светло, над Дерibasовской забегали и завертелись цветные огни. В Городском саду огни окаймляли газоны, и горожане, когда лампочки только зажглись, прянули в стороны: первое ощущение было совершенно ошеломляющее, вроде огни сами, по собственной воле, выскочили из-под земли и ударили человеку в ноги.

Над огромным, с двадцатипятиэтажный дом, пересыпским элеватором повисла красная огневая гирлянда, чуть приглушенная морским туманом, а дальше, в сторону Дофиновки, отдельных огней уже не было — полыхали с внезапными всплесками гигантские поля света.

Суда за брекватером опоясывались гибкими и подвижными, как анаконда, неоновыми полосами, на верхних палубах и грот-мачтах вспыхивали слова приветов и добрых пожеланий...

Перед оперным театром, двухлетняя реставрация которого была завершена к празднику, бешено вращались ослепительные кольца с перемной цветовой гаммой.

Люди, завороженные огнями, смотрели не отрывая глаз, и только потом, когда проходил первый столбняк, принимались строить догадки насчет механизма этого чуда.

Техника, однако, недолго занимала умы людей — улицы города вдруг, в несколько минут, заполонило прошлое.

Из-за поворота на бульжную мостовую вылетел эскадрон конницы — с гиканьем, свистом и лихой солдатской песней "Эх, щи горячие да с кипяточком!". Кони нетерпеливо грызли удила, а всадники в новых буденовках с пятидюймовыми шишами свирепо натягивали поводья и вонзали стремя в тугие холеные бока. От боли или по другой причине лошади били копытами по бульжнику и негодующе ржали, но заглушить песню красных кавалеристов не могли. Напротив, это конское ржание придавало песне степную удаль и неукротимость, пропитывало ее запахами полыни и свежего, только что скошенного сена.

Кавалеристы обросли щетиной, черной, рыжей, седой, забранной пылью тысячекилометровых путей-дорог; сабли, истомленные в бесчисленных не на жизнь, а на смерть боях, держались буднично, безо всякого парадного лоску, и люди на улицах города кричали отважным бойцам ура, а бойцы отвечали им словами песни: никто пути пройденного у нас не отберет!

Потом из-за того же поворота гривастые широкогрудые кони вынесли три тачанки с пулеметами. Остервенело нажимая гашетки, пулеметчики, все трое с окровавленными, наспех перевязанными головами безостановочно переводили стволы по дуге в треть окружности, так что не было никакой возможности укрыться от свинцового ливня.

Отстрелявшись, бойцы запели про тачанку, про четыре ее колеса, и хотя песня была из другого времени, попозже, в воздухе потянуло гарью фронтовых дорог незабываемого девятьсот девятнадцатого.

Конники спешились, пулеметчики оставили свои тачанки и разбили походный лагерь — к связанным в конус дрекольям подвесили закопченные казаны, мятые солдатские котелки, кривыми ножами и шашками распарывали консервы и, дуя на хворост, разводили огонь. В ожидании горячего харча люди жадно прикладывались к флягам, отирали рукавом гимнастерки, от самого локтя, спекшиеся губы и хриплыми голосами окликались друг друга, приглашая испить трошки самогону али спирту, кто чем богат.

Когда над казанками повалил пар, бойцы сбились в кружок и, вынув из-за голенищ деревянные ложки, зачем-то хлопали ими, как пересошей таранью, по ладоням, а затем тщательно, до глянца, зачищали их полдой гимнастерки. Хлебали по-братски, из общего котла, никто не брезговал и не возмущался, только потешались, когда соседу делалось невтерпех от смачного духа, и он голыми пальцами, обжигаясь, норовил выхватить кусок.

После обеда, от которого между лопатками прошибло теплым потом, вспомнилось давнее, родное, и звонкий, как криничная вода, голос запел: звезда полей, звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука...

Было ощущение, что война закончилась, что все смерть уже позади, и кто остался живой, тому и жить, до самой своей, от бога, а не от пули или шашки, смерти.

Но покой этот и благополучие были обманчивые, вдалеке ударил выстрел, и тотчас отозвался на него пронзительный степной голос:

— По коням!

Кавалеристы вмиг оседлали коней, бешеный цокот встал над городом. Тачанки с пулеметами держались, как положено, в арьергарде, прикрывая:

эскадрон с тыла, стволы бешено метались из стороны в сторону, прижимая врага к земле.

...Под зеленым знаменем на допотопном грузовичке явились смешные долговязые люди с болтающимися на боку маузерами. Хриплыми голосами они кричали "анархия — мать порядка!" с ударением на слове "мать" и орали песню про цыпленка, который вареный, который жареный, который тоже хочет жить, а его поймали, арестовали, велели пачпорт предьявить.

За анархистами следовали, тоже на грузовичках, солдаты в драных мундирах, конфедератках, прусских касках с шишаками, огромных азиатских папах, а среди них сновали растерянные сэры и мистеры. Сэры и мистеры были при полном параде — во фраках, цилиндрах, с моноклем, который беспрерывно выпадал, обнажая круглый удивленный глаз джентльмена.

Замыкал обоз черный барон Врангель: держась одной ногой на краю обрыва, он приготовился к прыжку в море. За ним, прижимая фельдшерские саквояжи к животам, теснились белогвардейские отпрыски с гаденышками усишками и ярко напомаженными, как у публичной девки, губами.

Над городом опять встал цокот: красные конники возвращались из последнего похода против белой гвардии и Антанты. Они были утомлены, как все люди после большой дороги, песня рассказывала про эту их большую и трудную дорогу: разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход.

Мирная жизнь пришла сначала в образе крестьянской клячи, мертвых труб завода и беспризорных детей. Одиноким тоскливым голос вспоминал свою молодую загубленную жизнь: родился на форштадте — там и сдохну, буду помирать, друзья, не охну; мне бы только не забыться, перед смертью похмелиться, а потом, как мумия, засохну, да-да!

Но уже вслед за ними, голодом и разрухой, двигались впритык динамо Каширы, плотина Волховстроя, автомобили АМО, тракторы ХТЗ, турбины Днепрогэса. Рабочий в новой спецовке высоко над головой занес молот, перед рабочим стояла гигантская наковальня. Напряженно всматриваясь в горизонт, крепко обеими руками механизатор держал штурвал комбайна производства знаменитого завода "Ростсельмаш".

Внезапно поток заводских труб и комбайнов оборвался: опять появились тельняшки и гимнастерки. У противотанкового рва за колючей проволокой стояли плечом к плечу двое — матрос и солдат, стоял сорок первый год.

А через минуту брешь в потоке была заделана: снова пошли заводские трубы, нефтевышки и плотины. Между вышкой и плотиной держались

в фарватере два судна: чумазый буксирчик, на борту которого было обозначено "1913 год — тоннаж Черноморского торгового флота 18 тысяч тонн", и дизельэлектрород с огромными, вполборта, цифрами — 1400000! На палубе стояли улыбающиеся мальчишки из детского сада баскомфлота, в бушлатиках и бескозырках...

Днем, когда за тучами светило солнце, небо над городом было серое, а сейчас, когда солнце зашло, и свет давала только земля, небо вздрагивало и вспыхивало, как клубы желтого газа, разогретого и подсвеченного изнутри.

...В ресторане "Юбилейный", на всех его четырех этажах, одновременно зажгли окна — дюралевые переплеты смотрелись, как гигантские стальные рамы, рассекавшие панораму на десятки самостоятельных, не зависящих одна от другой картин. В каждой раме был мужчина с бокалом, бокал безостановочно в такт человеку наступал, отступал и кланялся. Наконец он поднялся вверх, люди встали, в коридоре, огражденном головами мужчин и женщин, повисла хрустальная цепь бокалов, грянул туш, люди закричали ура. Теперь, после туша, уже не было надобности держаться общей цепи, бокалы поднимались и опрокидывались каждый врозь, так что в их движении появился новый, почти неуловимый с первого взгляда ритм, складывавшийся из множества отдельных ритмов.

Из кафе "Алые паруса" напротив вышли четверо — все в черных костюмах, белых рубашках и черных с блестками галстуках.

— Швейцар, — сказали они, — чтоб посторонних сюда ни-ни, мы на полторы секунды в "Космос" — и обратно.

"Космос" — это прежнее название ресторана "Юбилейный", которое переменили вдруг, в самый последний день, когда на крыше был уже сварен каркас из шести букв, и в экстренном порядке пришлось доваривать еще три буквы.

Швейцар козырнул: есть, товарищи начальники, никого постороннего! Швейцара похвалили: молодец, знаешь службу, держи, старик, карбованец.

Четверо пересекли дорогу и забарабанили в стеклянную дверь. Подошел швейцар и показал руками, что свободных мест нет, все занято. Ты чего руками разговариваешь, обиделись четверо, ты дверь открой и поговори с нами по-человечески.

Швейцар повернулся и занял место на своем круглом стульчике, с которого хорошо просматривались дверь, ведущая на улицу, и лестничный марш, ведущий в залы ресторана.

Открой, снова забарабанили в дверь к прилепили к стеклу трешку, есть дело, старик. Швейцар развел руками: не могу, велено — никого посторон-

них. Тот, что стоял впереди, попробовал носком туфли стеклянную дверь. Перестань, сказали трое, чего трепать человеку нервы, службу делает.

Старик подошел к двери и выдохнул в щелочку: хлопцы, по совести говорю, сегодня хоть от самого градоначальника — ничего, ни одного места, приходите завтра пораньше, до фонарей, чего-нибудь сообразим.

Ладно, махнули четверо, только не сиди, батя, на сквозняке — продует, а больница выходная.

У "Алых парусов" посторонние переговаривались через дверь со швейцаром. Сначала швейцар сокрушенно качал головой, но сочувствие его, породив пустые надежды, лишь осложнило дело, и тогда он сказал, что недалеко отсюда, на Греческой, отделение, а телефон — вот он, под рукой, так что в два счета.

Четверо, подойдя к толпе, не стали протискиваться, а остановились в сторонке и сделали знак швейцару. Тот немедля открыл дверь, засвистел в милицейский свисток и потребовал, чтобы посторонние дали проход людям. Посторонние ударились в амбицию и взялись доказывать, что они тоже люди, но швейцар опять крикнул: "Дайте проход людям!" — и засвистел, взглядывая поверх голов в поисках милиционера. Но это было уже лишнее: посторонние сами расступились и дали дорогу. Когда дверь захлопнулась, четверо опять, хотя и без особой нужды, наказали швейцару, чтобы посторонних сюда ни-ни.

В кафе "Алые паруса" на кремовые гардины падали огромные, во весь проем, тени — веселые угловатые тени с очень длинными ногами.

У конечной остановки восемнадцатого трамвая, где он делает кольцо, чтобы вернуться на Большой Фонтан, показывали кино. Экран подвесили к дереву, метрах в десяти от тележки мотороллера, на которой укрепили проектор, а динамики поставили наземь, так что звук вырывался прямо из-под ног зрителей. Сперва это отвлекало, но минут уже через пять-шесть люди вполне освоились и негодовали на всякого нового зрителя, который обязательно начинал с того, что выражал вслух свое недовольство.

Показывали хронику тридцатых годов, и трамваи уходили полупустые, потому что многие, хотя только что торопились к праздничному столу, не могли оторвать глаз от экрана, где укладывали последние метры Турксиба, и люди в тяжелых бараньих папах нетерпеливо колотили в бока своих ишаков и верблюдов, чтобы не прозевать самого торжественного момента — смычки. Когда прошел первый паровоз, вдоль железной дороги помчался отряд джигитов. Некоторое время джигиты держались вровень с паровозом, и люди на верблюдах изо всех сил подбадривали их,

как будто всерьез верили, что обыкновенная лошадь может состязаться с машиной, у которой стальное сердце.

Зрители смеялись и говорили про людей на экране, что они, наверное, первый раз в жизни живой паровоз увидели, и не надо удивляться: кто вел бы себя в такой ситуации иначе?

После Турксиба демонстрировались уникальные кадры — о первых электростанциях в стране, затем показали монтаж и установку турбины в полмиллиона киловатт, которая одна вырабатывает столько электроэнергии, сколько вся Россия до 1913 года. К большим цифрам привыкли, но все-таки это нелегко было понять — одна турбина дает столько, сколько давала целая страна, — люди качали головами и говорили: вот это паровичок!

Кино закончилось, фонтанские бросились к трамваям, а те, что вышли из трамвая, побежали к троллейбусам, которые по пути в центр города останавливаются у главных ворот центрального парка. Собственно, ворот, как и заборов, давно уже нет, но по старой привычке, когда за вход брали полтинник, говорят: главные ворота.

Городок аттракционов и танцевальная площадка освещались цветными прожекторами. Самолеты и лодки, перемещаясь в вертикальных плоскостях, попадали в зоны синего, красного и зеленого света, и хотя прожекторы были неподвижны, возникало отчетливое ощущение сказочной феерии, даже не феерии, а просто уже шабаша красок, хохочущих человеческими голосами.

На танцевальной площадке, окруженной решетчатой оградой, джазист Борис Шпирт исполнял перед микрофоном соло на барабане. Через каждые пятнадцать-двадцать секунд он подбрасывал палочки, но барабанная дробь становилась все гуще, все быстрее. Это казалось непостижимым, появилось чувство тягостного напряжения, когда каждый миг опасаясь срыва, и едва солист сделал последний удар, сбросив палочки на барабан, люди перевели, наконец, дыхание и неистово захлопали. Барабанщик потряс правой рукой в воздухе, приветствуя толпу, но восторг не терял своего накала, тогда он простер обе руки к зрителям, пытаясь сделать невозможное — единым движением заключить всех в свои объятия.

— Мо-ло-дец! — скандировала площадка в один голос. — Мо-ло-дец!

К микрофону на помосте подошла ведущая.

— Дорогие друзья, — сказала она, — а сейчас мы предлагаем каждому из вас продемонстрировать свое мастерство. Победители получают ценные подарки. Итак, начинаем конкурс! Начинаем конкурс!

По просьбе ведущей двадцать человек взошли на помост, стали в одну

шеренгу и вытянули правые руки ладонями вверх. Продвигаясь вдоль шеренги, ведущая клала на каждую ладонь резиновый шар и громко, чтобы все хорошо слышали и не возникало недоразумений, объясняла: первое место и ценный приз присуждаются тому, кто надует самый большой шар, на состязание дается три минуты, по истечении этого времени прикасаться губами к шару нельзя — нарушители исключаются из конкурса.

— Внимание, — скомандовала ведущая, — старт!

Пятнадцать человек принялись сходу на предельной скорости наполнять шары воздухом. Пятеро остальных спокойно разминали и прогревали резину, эти пятеро опасались только друг друга, потому что у семи из пятнадцати шары уже лопнули, и участь восьми, которые еще держались, тоже была предрешена.

Когда шар лопался, зрители смеялись и норовили заглянуть в будущее: а сейчас зеленый, давай, зеленый, не тяни резину!

За удачный прогноз не требовали ни награды, ни признания, ограничивались похвалой пострадавшему: молодец, зеленый!

Пятеро, как и следовало ожидать, держались дольше всех, но только двое пришли к финишу — парень и девушка. Причем у парня случилось что-то непонятное: ведущая развела руки, чтобы определить размеры, и шар вдруг лопнул. В этот раз никто не смеялся, напротив, возникло чувство досады и несправедливости, хотя, с другой стороны, судьба и есть судьба, винить некого.

Первое место и приз — глазированная деревянная миска с глазированной деревянной ложкой — достались девушке. Получив награду, девушка спустилась с помоста, все смотрели на нее, на шар, который принес ей победу, и говорили восхищенно:

— Первое место взяла. Молоток!

Победительница держалась с достоинством, успех нисколько не вскружил ей голову, и когда из толпы посылали поздравления, она в ответ только улыбалась, чуть-чуть пожимая плечами, как будто ничего такого особенного не сделала.

После конкурса продолжали танцы. Танцевали вальс, танго, медленный и быстрый фокстроты, твист, шейк. Больше всего шейк, и ведущая, объявляя его в третий, в пятый и даже десятый раз, обязательно делала паузу, заговорщицки улыбалась, а публика неизменно отвечала ей аплодисментами.

В Дюковском саду, который главный парк для двух больших районов города, Молдаванки и Красной Слободки, шейк не пользовался таким

успехом — здесь больше танцевали твист, и потому ведущая, которая хорошо знала вкусы здешней молодежи, приглушенным интимным голосом объявляла твист.

В саду было очень тепло, много теплее, чем в парке у моря. С прудов поднимался пар, белые и черные лебеди скользили плавно, бесшумно, и оттого что при движении их не возникало никаких звуков, хотелось бросить в пруд камень, чтобы у воды появился свой привычный голос.

На стене возле бильярдной афиша напоминала посетителям, что в саду их ждет золотая листва, озерная гладь, прозрачный воздух, белые и черные лебеди, а на площадке "Снежинка" — современные, балльные и народные танцы, а также игротека, где каждый может получить шашки, шахматы, домино, словом, что пожелает.

— Дорогие друзья, — голос ведущей был торжественный, как всегда при добрых больших вестях, — а теперь объявляется конкурс! Победители получают очень ценные подарки. Начинаем конкурс! Бег в мешках!

У ног ведущей на помосте лежало двадцать мешков, поэтому, объяснила она, в конкурсе одновременно могут участвовать только двадцать человек.

...На последней четверти дистанции вперед вышли трое — две девушки и парень в мичманке, курсант мореходного училища. Мужчины подстегивали парня свистом и требовали обязательно победы, потому что иначе он опозорит рябчик, а женщины требовали от своих, чтобы те непременно обошли рябчик и взяли первый приз. Но метрах в десяти от финиша реальный разговор мог быть уже только об одной девушке в оранжевой куртке, которая шла, как говорят специалисты, голова в голову со своим соперником — курсантом из мореходки.

Те, которые стояли подальше, теснили передние ряды, и ведущей приходилось непрерывно напоминать публике, что коридор должен оставаться достаточно широким, иначе конкурс можно сорвать в самом интересном месте.

Строго говоря, напоминания эти были излишни, потому что никто не желал срыва конкурса, но некоторые нарушения, как всегда при большом накале, были просто неизбежны.

Когда до финиша оставалось не более четырех с половиной — пяти метров, девушка в оранжевой куртке упала. Это была полная неожиданность: видимо, сказались нервное напряжение и усталость, которые проявляют себя иногда внезапно. Моряк по инерции продолжал двигаться вперед, и женщины поникли головами, а мужчины с беспощадной откровенностью праздновали победу, которая была уже почти в кармане. Но вдруг

курсант остановился, сделал несколько шагов назад и сказал девушке: "Поднимайтесь, я подожду".

Чтобы встать на ноги, девушке понадобилось секунд пять, и это было очень хорошее время, поскольку правилами запрещалось пользоваться при подъеме руками. В результате девушка шла вначале даже с некоторым опережением, потому что первый шаг моряк сделал не одновременно с ней, а чуть попозднее. Теперь ликовали женщины, а мужчинам оставалось только негодовать на их неблагодарность, но факты всегда убедительнее отвлеченных рассуждений, и приверженцы курсанта воспряли духом опять лишь у самого финиша, когда тот сделал фантастический рывок вперед и минимум на полкорпуса опередил свою соперницу.

Как ни странно, преимущество в полкорпуса многим показалось недостаточно убедительным: одни говорили, что дистанция неточно измерена, другие, что мешки разные, и по предложению ведущей было избрано специальное жюри.

После недолгого совещания жюри объявило свое решение: учитывая справедливые возражения многочисленных зрителей, разделить первое место и приз пополам.

Как и следовало ожидать, нашлись такие, что были недовольны, но публика в целом одобрила решение жюри, и когда победителям вручили приз — одеколон "Черемушки", — моряк тут же передал его целиком девушке, — площадка разразилась аплодисментами и криками "мо-лод-цы!".

Призерам было предоставлено право выбрать по собственному желанию танец. Выбрали твист, оба, девушка в оранжевом и курсант, танцевали сдержанно, без выкрутасов, но со страстью, которая выявлялась в темпе и напряженном ритме.

Потом танцевали краковяк, казачка, медленный и быстрый фокстроты, женское танго, вальс и один или два раза шейк. На казачка был объявлен конкурс, за лучшее исполнение получил приз — мыло "Семенное" и зубную щетку — ремесленник из училища номер семнадцать при заводе "Красная гвардия".

В первом часу ведущая подошла к микрофону и печально шепотом сказала:

— А теперь, друзья, спокойной ночи, до завтра.

Курсант и девушка в оранжевом остановились у пруда, где белые и черные лебеди устроились под ивой на ночлег.

— Наше общежитие за мостом, — сказал курсант, — моя комната на пятом, девятое окно слева.

Он поднял ее руку и, держа на весу, пересчитал окна слева направо.

Потом они пошли в город. Сначала долго петляли по пустынным переулкам с длинными одноэтажными домами, передразнивали собак, которые рады были случаю полаять на чужих за воротами, а у Комсомольской, где кончается Молдаванка и начинается центр, она сказала, хватит валять дурака, не то люди бог знает что подумают.

На углу Дерибасовской и Советской Армии они остановились у афишной тумбы с красным флажком на маковке.

Всем, всем, всем! Временное правительство низложено! Власть в столице захватил Петроградский военно-революционный комитет! Одесский союз рабочих железнодорожных мастерских целиком поддерживает Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!

"Солдатская мысль", 26 октября 1917 года, № 182: положение в Петрограде в точности еще неизвестно, но ясно, что время бессовестного обкрадывания трудового народа в его правах и векового обмана народа в его вере навсегда кончилось. Редакция извещает своих подписчиков и всех читателей, что за строку объявления впереди петита — один рубль, позади петита — 70 копеек, для ищущих труда — 20 копеек за три строки. Адрес редакции: Одесса, улица Троицкая, 23.

— Смотри, — сказал он, — уже без десяти два, а иллюминацию не выключают.

Она пожала плечами: праздник, Октябрю полвека, потому не выключают, и до самого утра гореть будет.

В два часа иллюминацию выключили, но света все равно было много: горели лампы в витринах, в окнах и за огромными стеклянными стенами нового ресторана в четыре этажа — "Юбилейный"...

